

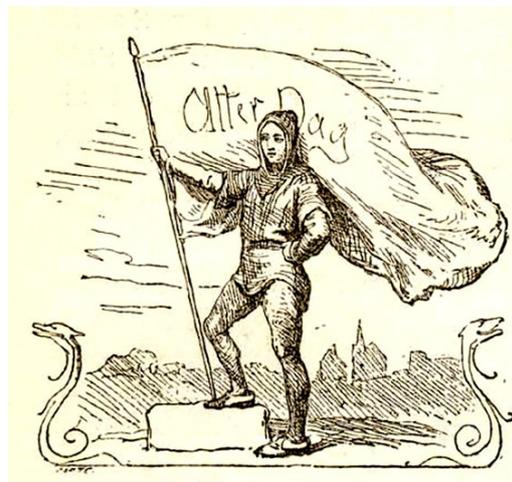
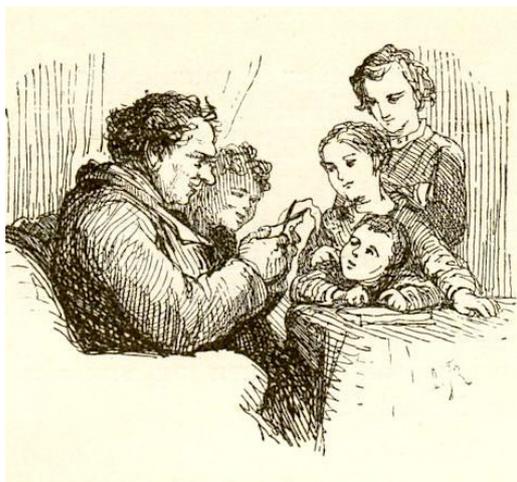
АРХИВ

В этом номере в рубрике «Архив» републикуется статья историографа Юрия Николаевича Щербачёва (1851–1917/1920) «Еще одна сказка Андерсена», впервые напечатанная в журнале «Русское обозрение» в 1891 г. Статья посвящена новелле Х.-К. Андерсена «Книжка крестного» и представляет собой едва ли не первую в русской литературной критике попытку дать развернутый комментарий к произведению, адресованному детям.

Стоит сказать несколько слов о самой новелле Андерсена и о личности Ю. Н. Щербачёва, чтобы прояснить «ситуацию комментирования», которая, на первый взгляд, выглядит несколько случайной или даже внезапной на фоне отсутствия традиции комментирования детских текстов.

Впервые «Книжка крестного» («Gudfaders Billedbog») была опубликована в 1868 г. в январском номере журнала «Illustrated journal», затем включена в сборник «Сказки и истории» («Eventyr og Historier»), вышедший в Дании в 1874 г. Несмотря на то, что Щербачёв называет это произведение «сказкой», таковой «Книжка крестного» на самом деле не является, а относится к жанру «историй», близкому в современном понимании к тому, что можно было бы определить как «историческую новеллу». В «Книжке крестного» Андерсен бегло рисует историю Дании, начиная «из тьмы веков» — с сотворения земной тверди и появления первых людей на островах Датского архипелага — и заканчивая последними достижениями современной Андерсену эпохи — открытиями физика Х.-К. Эрстеда в области электричества и творчеством скульптора Б. Торвальдсена. Многовековая история родной страны излагается Андерсеном в непринужденном — иногда шутливым, иногда патетическом — стиле: в форме беседы старика-крестного с детьми, рассматривающими его альбом с картинками и вырезками. Разумеется, текст новеллы полон исторических реалий, которые без специального комментария непонятны не только ребенку, но и большинству взрослых читателей, однако сам Андерсен не снабдил «Книжку крестного» какими-либо примечаниями.

В России эта новелла не пользовалась большой популярностью (отчасти в связи со своей специфической тематикой) и редко входила

Иллюстрации Лоренца Фрѐлиха к новелле Х.-К. Андерсена «Альбом крестного»

в состав сборников избранных сказок Андерсена. Не исключено, что перевод «Книжки крестного», выполненный Ю. Н. Щербачёвым и включенный им в свою статью в качестве приложения, является первым переводом этого текста на русский язык, т. к. перевод А. В. и П. Г. Ганзен появился позднее — в 1894 г.

Интерес к этой новелле Ю. Н. Щербачёва, который не был ни литературным критиком, ни педагогом, обуславливается, скорее, личными причинами и фактами его биографии. Ю. Н. Щербачёв, российский дворянин, тайный советник, в качестве сотрудника дипломатической миссии находился на службе в Копенгагене с 1883 по 1897 гг., и судя по всему, проникся искренним интересом к датской истории и культуре. Также увлекался Щербачёв историографией, генеалогией, биографическими изысканиями, чему посвятил ряд трудов: «Керстен Род, корсар Иоанна IV» (М., 1888); «Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене: 1326–1690 гг.» (М., 1893); «Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом: 1709–1711» (М., 1899); «Подписи царей Бориса Годунова и Алексея Михайловича» (М., 1894); «Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин» (М., 1912) и др. В этой связи становится понятным интерес Ю. Н. Щербачёва к новелле Андерсена, в которой историческое знание популяризуется для читателя-ребенка. Щербачёв высоко оценивает произведение Андерсена, отмечает, что оно кажется ему незаслуженно обойденным вниманием переводчиков, и довольно-таки безосновательно предполагает, что, «быть может, для датских детей эта своего рода “сокращенная датская история” дороже и понятнее остальных сказок Андерсена» [Щербачёв, 1891, с. 143].

В своей статье Щербачёв берется дать комментарий к событиям, описанным в новелле, и, ссылаясь на то, что «примечания в тексте утомительны, особенно в подобного рода литературном произведении» [Щербачёв, 1891, с. 143], в качестве предисловия к новелле пишет пространный обзор истории Дании. Далее в статье он размещает сам текст новеллы в собственном переводе, сопровождая его постраничным комментарием: по большей части это опять же исторический комментарий, но встречаются и попытки пояснить русскому читателю некоторые культурные датские реалии. Впрочем, ряд этих комментариев для современного читателя сам нуждается в пояснении: например, к упоминающемуся на страницах «Книжки крестного» охотничьему крику «Hallo, hallo!, hallo!» Щербачёв дает пояснение «охотничий попрыск» [Щербачёв, 1891, с. 173], и только специалист может сказать, что слово «попрыск» является устаревшей формой от существительного «порсканье», которое в свою очередь является охотничьим термином, означающим крик, которым охотники побуждают собак взять след.

В дальнейшем к комментированию произведений Андерсена или каких-либо других текстов, адресованных детям, Ю. Н. Щербачёв не обращался, сосредоточив свое внимание на исторических и археографических трудах.

И. Сергиенко

Источники:

Andersen H. C. Gudfaders Billedbog // H. C. Andersen: Eventyr og Historier. URL: <http://wayback-01.kb.dk/wayback/20101105080304/http://www2.kb.dk/elib/lit/dan/andersen/eventyr.dsl/hcaev135.htm>

Щербачёв Ю. Еще одна сказка Андерсена // Русское обозрение. 1891. № 5. С. 143–180.

Ю. Щербачёв

ЕЩЕ ОДНА СКАЗКА АНДЕРСЕНА

«Книжка крестного»¹ из удачных сказок Андерсена, и если до сих пор она не была переведена с датского на другие языки, то, без сомнения, в виду ее исторического и притом «патриотического» содержания, рассчитанного более на местного читателя. Под видом истории Копенгагена Андерсен рисует в ней главные моменты датской истории вообще. Писана она в героическом духе, весьма образным языком, поговорками и прибаутками, часто одними намеками на исторические происшествия, хорошо известные в Дании каждому ребенку, и, быть может, для датских детей эта своего рода «сокращенная датская история» дороже и понятнее остальных сказок Андерсена, которые, к слову сказать, нередко слишком глубоки, да и слишком поэтичны для детского понимания. (Когда в гостях покойный Андерсен, окружив себя детьми, читал бывало вслух свои сказки, дети, говорят, видимо скучали, а сам он то и дело косился в сторону «старших», слушавших его издали с напряженным вниманием.)

Из того, чему «мы все учились понемногу», история чужих стран забывается нами как-то охотнее, легче и прежде всего остального, и чтобы сделать предлагаемую сказку доступною для *недатского* читателя, необходимо снабдить ее историческими комментариями. Но примечания в тексте утомительны, особенно в подобного рода литературном произведении, а потому постараемся, насколько возможно, сократить их число; с этою целью сгруппируем пояснения в один общий обзор тех событий, которых касается Андерсен, и предпошлем его сказке в качестве предисловия.

В доисторическое время на месте теперешней Дании было одно море, с юга ограниченное германскими возвышенностями,

¹ В переводе П. Г. и А. В. Ганзен «Альбом крестного» (Gudfaders Billedbog) (Здесь и далее примечания автора. — *Прим. ред.*)

с севера — Скандинавским полуостровом, и только простиравшиеся под водой мели намечали будущую Ютландию и Датские острова. Толстые льдины плыли к этим мелям от побережья Норвегии и заносили на них камни, сорвавшиеся с ее скалистых гор. Наконец мели поднялись над водой.

Так по свидетельству ученых явилась Дания. В сказке описывается образование подобным путем не всей страны, а лишь того островка, который — если не геометрически, то по своему значению — представляет центр нынешнего Копенгагена: на нем находятся Христианборгский дворец (от главного корпуса которого после пожара 1884 г. остались, впрочем, одни стены), арсенал, министерства, биржа, публичная библиотека, государственный архив, музей Торвальдсена и проч. Островок этот называется Slotsholm, то есть замковый или дворцовый островок. Здесь в VII в. roskilde-ский епископ Абсалон (впоследствии архиепископ Лундский) построил первый копенгагенский замок или крепость.

В датской летописи Копенгаген (Höfn), упоминается в первый раз под 1043 г. Саги и Саксон Граматик называют его «Купеческою гаванью» (Kaupmannahöfn). В 1168 г. Вальдемар Великий (1157–1182) подарил его своему другу, названному епископу Абсалону (1128–1201). Этот знаменитый государственный муж и полководец был правою рукой короля, являлся предводителем в многочисленных походах против вендов, удачно сражался с ними на море и охранял от их разбоев Зеландию. Абсалон утвердил Копенгаген за Роскильдским епископатом.

При Христофоре I (1252–1259) добрые отношения между представителями местной церкви и светской властью сменились открытою враждой, длившеюся затем в течение семидесяти лет. Яков Эрландсен, назначенный архиепископом Лундским против воли этого короля, вступил с ним в ожесточенную борьбу. Христофор кончил тем, что приказал лишить своего противника свободы, но вскоре сам был отравлен соборным священником Арнфастом, которого Эрландсен вслед за этим назначил епископом в Орхус.

В половине XIV столетия Роскильдский епископат был вынужден уступить Копенгаген Вальдемару Аттердагу (1340–1375), славному королю-собирателю, который деньгами, оружием и хитростью возвратил Дании все утраченные ею прежде провинции. Особенно упорно боролся он с Ганзою и ее многочисленными союзниками, два раза, в 1362 г. и 1368 г., бравшими и разрушавшими Копенгаген. В 1428 г. город подвергся новому нападению со стороны ганзейцев, но был спасен благодаря энергии и распорядительности королевы

Филиппы, дочери английского короля Генриха IV и жены неспособного датского короля Эрика Померанского (1412–1439).

Постоянною резиденцией королей датских Копенгаген сделался только с 1443 г., в царствование Христофора Баварского (1439–1448).

Христиерн I (1448–1481) привез из Рима от папы Сикста IV разрешение открыть в Копенгагене университет. Однако при нем, по недостатку средств, в учреждении этом числилось всего три преподавателя. Говоря о Христиерне, нельзя не упомянуть, что он был настоящим великаном, значительно выше Петра Великого. (Любопытно, что рост обоих этих государей, равно как и некоторых других августейших особ, отмечен на одной из колонн Роскильдского собора.) При сыне Христиерна I, Хансе (1481–1513), между Московским государством и Данией завязались первые дипломатические сношения и был заключен союзный договор (1493). Иоанн III Васильевич сватал даже своего сына Василия дочери короля Ханса, Элисавете, но без успеха. Вскоре после этого сватовства она вышла замуж за курфюрста Иоакима Бранденбургского. Впрочем, в Андерсеновой сказке оговаривается только это последнее событие.

Начиная от Ханса и вплоть до наших времен, в хронологической таблице королей датских чередуются исключительно имена Христиана и Фредерика. Хансу наследует сын его Христиерн II (то же имя, что *Христиан*, но применяемое только к двум первым Христианам). Царствовал он всего десять лет, с 1513 по 1523 гг. Еще при жизни отца, будучи правителем Норвегии, Христиерн на одном вечере в Бергене познакомился с голландскою девушкой Дювеке (в буквальном переводе Голубка), и вскоре потом она стала его любовницей. По вступлении Христиерна на престол и даже по женитьбе его на четырнадцатилетней Изабелле австрийской (1515), сестре будущего императора Карла V, связь эта не прекратилась. Напрасны были представления и ходатайства иностранных посольств. Однако, спустя два года после его свадьбы, Дювеке внезапно умерла, поев вишен, присланных ей знатным датским придворным, Торбеном Оксе. Король, заподозривший преступление, добился смертной казни Торбена: когда королевский совет за недостатком улик оправдал обвиняемого, Христиерн, противно закону, назначил над ним суд из крестьян. Вообще, он правил самовластно, не стесняясь теми обязательствами, которые при воцарении выдал дворянству.

В 1520 г. Христиерн явил пример крайней жестокости. После долгих усилий он покорил отложившуюся Швецию. Держался один Стокгольм, но и тот сдался, когда король обещал всеобщую амнистию. Христиерн торжественно въехал в эту столицу, прожил

там около месяца, короновался шведским венцом, на коронационных празднествах был весьма милостив со шведскою знатью, — а четыре дня спустя казнил ее почти всю поголовно. 8 ноября 1520 г. 94 дворянина и духовных лица были обезглавлены на Стокгольмской площади. Тех людей, которые при виде этого кровавого зрелища не могли удержаться от соболезнования и слез, забирала в круг, где производилась казнь, и тоже казнили. Затем мертвые тела в течение трех дней не убирались с площади. Прямым последствием такого зверства было новое восстание Швеции и окончательное ее отпадение от Дании.

Когда папа, узнав, что в числе казненных было два епископа, послал своего легата требовать объяснения у датского правительства, Христиерн свалил всю вину на бывшего своего любимца, архиепископа Лундского Дитриха Слагхёка, и 24 января 1522 г. всенародно сжег его в Копенгагене на «Старой площади» возле ратуши.

Однако мрачные стороны характера Христиерна II не должны заслонять от нас его качеств. Он был мудрым законодателем. Низшие сословия — горожане и крестьяне — любили его за стремление облегчить их судьбу, стремление, которым он на целые века опередил своих современников. Они сохранили память о нем в трогательной народной песне. Благородное сословие, напротив, ненавидело его, и ненависть эта была причиною его падения.

Движение началось в Ютландии. Тамашнее дворянство призывало на королевство дядю Христиерна по отцу, Фредерика. Христиерн пал духом, покинул с женой и детьми Зеландию и отправился в Германию искать помощи против дяди. Тем временем Фредерик подступил под стены Копенгагена и после восьмимесячной осады принудил его к сдаче.

Фредерик (1523–1533) является родоначальником всех последующих датских королей. Заметим кстати, что те из них, о коих речь идет ниже, спускаются по прямой нисходящей линии, то есть сын наследует престол от отца. Почти до конца своего царствования Фредерик должен был защищаться против племянника. Много хлопот причинил ему доблестный воин и моряк, Сёрен Норбю, оставшийся верным Христиерну; он возмутил, между прочим, всю Сканию².

Осенью 1531 г. сам Христиерн двинулся в Норвегию; однако на следующий год дела его пошли настолько плохо, что он скло-

² Южная провинция теперешней Швеции. Интересно, что Христиерн II, бывший в хороших отношениях и частых ссылках с великим князем Василием Ивановичем, просил его принять к себе этого своего сподвижника в случае, если стесненный врагами он станет искать убежища в государстве Московском; великий князь действительно принял его, но потом долгое время не выпускал из Москвы.

нился на предложение начальника датского флота ехать в Копенгаген для личных переговоров с дядей. Но прямо с Копенгагенского рейда, несмотря на выданное Христиерну письменное заверение в личной свободе и безопасности, его отправили в Шлезвиг, в Зондербургский замок, где и заключили в тесную башню с глазу на глаз с карликом, вывезенным им из Норвегии. Тут он пробыл долгие годы. Насколько мне известно, в названном замке (теперь обращенном в казарму) до последнего времени показывали мраморный стол, на котором пленный король наметил будто бы круговой желобок, вода по краю его большим пальцем. Через 17 лет 68-летнего Христиерна перевели в Калунборг на Зеландию и предоставили ему бóльшие удобства. Здесь он и скончался, пережив на 24 дня преемника Фредерика, Христиана III.

Но мы должны вернуться несколько назад. После ссылки племянника в Зондербург Фредерик жил недолго. По его смерти ютландское дворянство провозгласило королем сына его Христиана, но простой народ не забыл своего любимца Христиерна, и в Дании началась смута, продлившаяся целых три года. Зондербургский узник, без сомнения, не подозревал, что происходит за стенами его темницы. В истории смута эта носит название *Графской усобицы* по выдающейся роли, которую играл в ней граф Христофор Ольденбургский, предводитель вмешавшихся в распрю любчан. Заняв Копенгаген, Христофор заставил жителей присягать отсутствующему Христиерну II, чем вызвал с одной стороны отпор дворянства, с другой — буйный восторг низших классов, сопровождавшийся насилиями и убийствами. Христиану III Копенгаген сдался лишь в 1536 г., после отчаянного сопротивления и выдержав годовую осаду. При этом короле (1533–1559) дворянство опять усилилось, простой народ был снова пригнетен, лютеранское исповедание признано государственной религией, а имущества католического духовенства конфискованы.

Христиану III наследовал Фредерик II (1559–1588), а Фредерику Христиан IV, знаменитейший из датских королей новой истории. Достоинно внимания, что государя этого потомство оценило не по его успехам, а по личным качествам, т. к. за время долголетнего его царствования (1588–1648) Дания вследствие несчастного стечения обстоятельств из сильной и влиятельной державы стала второстепенным государством.

По легенде более поэтичной нежели точной, Христиан IV родился под кустом в чистом поле. Легенда эта, без сомнения, основана на постоянных разъездах его отца и матери. В действительности

он увидел свет в Фредериксборгском дворце. Между тем, рождение его было предсказано морскою царевной или ундиной одному крестьянину с острова Самсё. Это уже не легенда; по крайней мере, крестьянин этот не миф: в свое время он был допущен ко двору, называл морскую царевну «дамою» и довольно забавно описывал ее наружность и туалет. Оставляя в стороне другие более громкие дела Христиана, не входящие в рамки сказки, отметим, что он был, между прочим, великим зодчим и украсил Копенгаген многими зданиями весьма оригинальной архитектуры.

В 1644 г. в морском сражении против шведов престарелый король, лично предводительствовавший датским флотом, был тяжело ранен в голову и потерял глаз, но не оставил командования. Положенное на музыку Гартманном красивое стихотворение Эвальда, изображающее его в этой битве «у высокой мачты среди дыма и пламени», стало датским народным гимном. Одежды, в которых он сражался, хранятся как святыня в музее Розенборгского замка (им самим построенного). На них еще заметны побледневшие следы крови.

Однако отношение Христиана к знаменитому астроному Тихо Браге легло темным пятном на его царствование.

Тихо Браге принадлежал к знатному дворянскому роду. Полюбив астрономию первою любовью юности, он посвятил ей всю свою жизнь. Фредерик II, покровительствовавший его занятиям, отдал ему, между прочим, в ленное владение остров Вэн в Зунде (ныне принадлежащий Швеции), и Браге построил на нем красивый замок Ураниенбург, посвященный музе астрономии.

Впрочем, дворяне смотрели на вышедшего из их среды астронома с завистливым недоброжелательством и презрением: он интересовался не собаками, не лошадьми и не попойками, как они сами, а каким-то недворянским делом — звездами, солнцем, луной. При Фредерике II их сдерживало еще расположение к нему двора, но по вступлении на престол отрока Христиана они стали всячески притеснять Браге, и в конце концов сумели выжить его из Дании. Будучи уже за границей, он попробовал было обратиться с письмом к молодому королю, но недостойный ответ Христиана вынудил его навсегда распрощаться с родиной. Вскоре он встретил самый милостивый прием у императора Рудольфа, который назначил ему широкое содержание.

В изгнании кроме ученых трудов Браге писал проникнутые чувством стихи, в коих жаловался на неблагодарность отвергнувшей

его Дании, и в то же время утешался мыслью, что повсюду над головой его распростерто звездное небо. Умер он в 1601 г.

От второго брака — морганатического — у Христиана IV было два сына³ и восемь дочерей. Одна из них, Элеонора Христина, прославилась своими несчастиями. Семи лет от роду она была помолвлена за датского дворянина Корфица Ульфельда, а пятнадцати вышла за него замуж. Это был человек, одаренный редкими способностями, но в то же время крайний эгоист, лишенный даже всякого патриотического чувства. Мирозерцание его отчасти выражается в написанной им где-то фразе, факсимиле которой можно встретить в руководствах о почерках: «tout le monde est une farce»⁴. При Христиане IV — будучи зятем короля — он быстро достиг власти и, воспользовавшись ею, нажил себе огромное состояние. В следующее царствование (Фредерика III) частью интриги врагов, частью ненависть молодой королевы Софии Амалии к его жене, Элеоноре, побудили его сначала бежать из Дании, а затем явиться в прямом смысле изменником своему отечеству: мстя датскому правительству за конфискацию бесчисленных его богатств, он не только принял участие в победоносной войне Швеции против Дании, но и сам, в качестве шведского уполномоченного, заключал унижительный для Дании мир в Роскильде. — Потом Ульфельд не ужился и со шведами. Заподозренный ими в тайных кознях, он имел неосторожность бежать из Мальмё в Копенгаген. Здесь его тотчас схватили и вместе с женой отправили в заточение на Борнгольм, однако через полтора года выпустили с условием, чтоб он навсегда поселился в одном из своих имений. Но Ульфельд не мог сидеть спокойно: отпросившись за границу на воды, он, вместо того чтобы лечиться, стал разъезжать по европейским дворам и интриговать против Фредерика III. Когда об этом узнали в Копенгагене, его заглазно приговорили к смертной казни; приговор, за его отсутствием, привели в исполнение над деревянным болваном, дом его разрушили до основания, а на образовавшейся площади поставили ему позорный памятник (уничтоженный в 1842 г.). Не довольствуясь этим, датское правительство оценило его голову, обещав тому, кто доставит его живым, 20 000 риксдалеров, а тому, кто привезет его труп — 10 000. После этого Ульфельд жил недолго: скрываясь от преследования убийц, он еще несколько

³ В том числе граф Вальдемар, жених царевны Ирины Михайловны Романовой, которого наши историки ошибочно называют принцем.

⁴ «Все это шутка» (франц.).

месяцев проскитался на чужбине, и в феврале 1664 г. умер в лодке на Рейне; сыновья тайно зарыли его где-то на берегу, под деревом.

Между тем, уже в 1663 г. Элеонора была обязательно выдана английским двором датскому. В сущности, вина ее заключалась разве в том, что она всегда и везде делила участь своего мужа. Тем не менее датское правительство заключило ее в одну из дворцовых темниц, так называемую Голубую Башню. Тут бедная женщина просидела 22 года (1663–1685), испытывая всевозможные лишения: свечей ей не выдавали, в помещении ее печь не имела дымовой трубы и т. п. На свободу она выпущена лишь Христианом V, после смерти непримиримого ее врага, королевы Софии Амалии, — Христиан подарил ей имение и назначил пенсию.

Говоря об измене Ульфельда, мы коснулись несчастной для Дании войны со Швецией. В ту войну Карлу Густаву шведскому помогала сама природа. Благодаря сильной стуже он мог со всем своим войском пройти по льду через шесть проливов и таким образом покорил чуть не все датские острова. В Роскильде (28 февраля 1658 г.) заключен мир, весьма выгодный для Швеции. Но Карл Густав остался недоволен. Он жалел, что упустил случай окончательно уничтожить Данию, и через несколько месяцев опять начал с нею войну, однако в этот раз не имел прежнего успеха: датчане то здесь, то там одерживали перевес и храбро отстояли Копенгаген, отбив знаменитый приступ в ночь на 11 февраля (1659 г.), когда шведы нарядились в белое, чтобы по снегу незаметно подкрасться к городским укреплениям. По новому миру, подписанному в Копенгагене 27 мая 1660 г., Дании были возвращены некоторые из местностей, утраченных ею в прошлую войну (Борнгольм, Трондъем).

Обязанный славною защитой столицы преимущественно горожанам, Фредерик III даровал им известные привилегии, а они со своей стороны отплатили ему за это новою услугой.

С Христофора II (1320) датские короли стали выдавать дворянству и духовенству, со введения же реформации — одному дворянству, особую запись, которою ограничивали свою власть. С каждым новым царствованием уступки королей в этом смысле становились все значительнее. Наконец последняя запись, выданная Фредериком III, была почти равносильна полному отказу короля от власти в пользу дворянства (над этим документом особенно потрудился Корфиц Ульфельд). Между тем, дворяне заботились только о личных своих выгодах и, несмотря на бедственное состояние края, отказывались нести какие бы то ни было общие государствен-

ные тягости. В виду такого равнодушия дворянства к отечественным интересам, горожане вслед за шведскими войнами заключили союз с протестантским духовенством и весьма последовательно и искусно добились провозглашения Фредерика III наследственным и самодержавным королем (1660–1661). Запись его — в копии (оригинала уже не нашли), — была торжественно уничтожена. После того самодержавие в Дании длилось 188 лет.

Христиан V (1670–1699), король слабый и преданный удовольствиям, старался во всем подражать Людовику XIV. Войны его со Швецией и Францией разорили страну. Потомству известны, однако, его законы, над составлением которых трудился знаменитый Шумахер-Гриффенфельд, впоследствии без вины сосланный в пожизненную ссылку вследствие происков новой знати из немецких проходимцев, которою окружил себя этот король.

Фредерик IV (1699–1730), союзник Петра Великого в борьбе с Карлом XII, увековечил свое имя мудрым правлением и победами своего флота. Из «морских героев» его времени, называемых в сказке, отметим здесь одного, а именно Ивара Витфельда, погибшего славной смертью в Кёгской бухте, в морском сражении со шведами (4 октября 1710 г.). Шведский флот напал на датский в то время, как последний стоял тут на якоре. Корабль *Данеброг*, предводимый Витфельдом, стоя крайним, более других подвергался действию неприятельских снарядов, но храбро отстреливался. Наконец судно загорелось; пожар разрастался, несмотря на усилия тушивших. Витфельд мог бы спасти себя и многочисленную команду (700 человек), обрубив якорный канат и предоставив ветру выбросить корабль на берег, но этим он подверг бы опасности остальной флот — и бесстрашный моряк остался на месте лицом к лицу с неизбежной смертью. Он участил огонь по неприятелю и продолжал наносить ему вред до того самого мгновения, как *Данеброг* взорвало на воздух. Года три тому назад на живописной Lange Linie, любимой прогулке копенгагенцев по морскому берегу, в память Ивара Витфельда воздвигнута стройная колонна с ангелом наверху; подножие ее убрано цельными и сломанными пушками с *Данеброга*, вытащенными со дна Кёгской бухты.

При Фредерике IV в 1711 г. Данию посетила чума, а в 1728 г. сгорел Копенгаген.

Христиан VI (1730–1746), один из самых непопулярных датских государей, окружил себя особенно пышностью, стал недоступен для простого народа, более чем который-нибудь из прежних

королей оказывал покровительство немцам и наложил на все свое правление печать ханжества. В его время датский Мольер — Хольберг (1684–1754), автор многочисленных сатирических комедий, прекратил свою литературную деятельность и возобновил ее лишь в следующее царствование.

Фредерик V (1746–1766) был прямой противоположностью отца. Доступный, обходительный, веселый, он сразу сумел расположить к себе свой народ, одинаково полюбивший и жену его Луизу, бывшую принцессу английскую. Он отменил разные строгие и стеснительные меры, внушенные его отцу духовенством.

Христиан VII (1766–1808), через несколько месяцев по вступлении своем на престол, женился на сестре короля английского Георга III, принцессе Каролине Матильде. Молодым было — ему 17, ей 15 лет. Предрасположенный к душевной болезни, которая развивалась весьма быстро, юный король вел самую неправильную жизнь. Уже в течение первых двух лет его царствования постоянно сменявшиеся любимцы, один легчемысленнее другого, успели втянуть его в разврат и отдалить от супруги. В 1768 г., во время путешествия по Европе, Христиан VII приблизил к себе одного альтонского врача, талантливого, но крайне честолюбивого немца Струензе, который вскоре приобрел на него огромное влияние и через два года стал неограниченным правителем Дании. Но всемогущество его продлилось всего 18 месяцев. Он возбудил к себе всеобщую ненависть презрением к языку и обычаям страны, — его свергли, обвинили в преступной связи с королевой и четвертовали на одном из копенгагенских выгонов. А королеву развели с королем и отправили в Цэлль в Ганновер, где после трех лет тихой жизни, посвященной благотворительности, она умерла в расцвете молодости — 24 лет от роду.

Еще задолго до смерти слабоумного отца 16-летний Фредерик (VI) принял бразды правления. Крестьянское сословие в Дании обязано ему своим освобождением от крепостной зависимости (1788). В память этого события на одной из городских окраин поставлен так называемый «столп свободы» — Frihedsstøtte, — первый камень которого заложен самим наследным принцем. Главными его сотрудниками в деле введения этой реформы были министр иностранных дел Бернсторф, юрист Колбьёрнсен и академик граф Ревентло.

В 1801 г. Дания присоединилась было к направленному против Англии вооруженному нейтралитету, однако английский флот под начальством адмиралов Паркера и Нельсона принудил ее отказаться от союза с европейскими державами. Собственно, дело решила битва (2 апреля того же года) между английским флотом

и линией старых неподвижных датских судов, расставленных на копенгагенском рейде, но, по правде сказать, в битве этой англичан нельзя считать победителями: датчане дрались так упорно и причинили неприятелю столько вреда, что Нельсон первый послал к ним парламентаря предложить перемирие.

В 1808 г., руководствуясь единственно опасением, как бы Дания не примкнула к континентальной системе, провозглашенной Наполеоном, Англия снова послала свой флот к Копенгагену, в этот раз впрочем тайно, без объявления войны. Неожиданно окружив город — с моря судами, с суши десантом — англичане потребовали выдачи датского флота. В ответ на отказ последовала трехдневная бомбардировка Копенгагена, от которой сгорело 350 домов. Все датские силы, находившиеся в то время в Голштинии, были отрезаны от Зеландии английскими крейсерами. Датчане поневоле подчинились, и английский флот ушел, увозя с собою «военную добычу» — 38 линейных кораблей и фрегатов.

В развитии хода исторических происшествий сказка далее не идет, в виду чего и мы кончаем на этом нашу вступительную заметку. Теперь пусть рассказывает сам Андерсен. Но прежде еще маленькая оговорка.

Ни одна его сказка так мало не поддается переводу, и ни одна так много не теряет в переводе, как настоящая. Об особенностях ее языка я уже говорил. Что же касается характера повествования, то в ней как будто нет ни синтаксической, ни логической, ни даже исторической последовательности; порой не только отдельные картины, но и рядом стоящие мысли либо вовсе между собою не связаны, либо связаны одним каким-нибудь словом или игрою слов. И все-таки в общем рассказ у датского поэта является замечательно плавным, стройным и красивым; если же читатель не найдет этих достоинств в русском переводе, то конечно должен поставить это в вину переводчику, а не автору.

КНИЖКА КРЕСТНОГО

Крестный знал много всяких сказок, длинных и коротких, и умел вырезать из журнала картинки, да и сам был мастер их рисовать. Когда приближалось Рождество, он доставал из ящика новую тетрадь с белыми листами и принимался оклеивать ее рисунками, вырезанными из книг и иллюстраций; если же для задуманной сказки картинок не хватало, он рисовал их сам. Не одну

такую тетрадку получил я от него в подарок, когда был ребенком. Самая удачная относилась по времени «к тому знаменательному году, когда в Копенгагене газ заменил старые ворванные фонари». Об этом событии упоминалось на первой ее странице.

«Эту книжку надо хорошенько беречь, — говорили отец и мать, — вынимать ее следовало бы только при гостях».

Но сам крестный написал на переплете:

Рви сколько хочешь, дружок, не беда,
Лишь бы тетрадь не попала куда...

Более всего любил я, когда крестный сам показывал свою книжку: он читал из нее стихи и прозу, многое добавлял из головы, и тогда истории его становились настоящей историей.

На первой странице, посередине, находился вырезанный из «Летучей Почты»⁵ вид Копенгагена с Круглою Башней и церковью Богоматери, слева было наклеено изображение старого фонаря — на нем стояло ворвань, справа уличная канделябра — с надписью газ.

«Это афиша, пролог, — говорил крестный. — Из моей сказки и то могла бы выйти прекрасная драма под заглавием “Ворвань и газ” или “Житье-бытье Копенгагена”, только как разыграть ее, а заглавие отличное!..»

На самом низу страницы еще маленькая картинка, впрочем без моих пояснений понять ее не так-то легко. Это Helhest — конь трехногий⁶. Ему бы собственно должно появиться в конце книжки, но он забежал вперед, чтобы предупредить, что ни начало ее, ни середина, ни конец никуда не годятся, и что сам он, если бы сумел, написал бы лучше... Днем конь трехногий ходит на привязи по газетным столбцам, ночью же, вырвавшись на свободу, становится за дверью поэта и ржет ему, что он сейчас умрет. Однако поэт от этого не умирает, если только в нем теплится настоящая жизнь. Конь трехногий — почти всегда жалкое существо: не знает он, к какому делу себя пристроить, не умеет зарабатывать насущный хлеб и питается только тем, что бродит кругом, да ржет на ветер. Я уверен, что ему моя книжка совсем не нравится, но из этого еще ничего не следует, и, быть может, бумага, из которой она сшита, не пропала даром.

Вот тебе первая страница книжки — пролог...

⁵ Старинный датский иллюстрированный журнал, более несуществующий.

⁶ Helhest — создание народной фантазии, ночной оборотень в образе лошади о трех ногах, обыкновенно пророчествующий смерть. В данном случае автор, конечно, намекает на других оборотней.

Старые ворванные фонари были зажжены в последний раз; газ, только что проведенный в Копенгаген, сиял так ярко, что они совсем исчезали в его блеске.

— Весь тот вечер я пробродил по городу, — рассказывал крестный, — взад и вперед ходили любопытные, высыпавшие посмотреть на старое и на новое освещение; много было народу! — и вдвое больше ног, чем голов. Печально стояли уличные сторожа: они думали о том, что пожалуй и их когда-нибудь упразднят, подобно ворванным фонарям⁷. А фонари, не смея думать о будущем, мечтали о давно прошедшем. Много, много вспоминалось им из области глухих вечеров и темных ночей. Я прислонился к одному фонарному столбу: ворвань шипела, светильня трещала, и я понял, что́ говорит фонарь. Слушай...

«Мы делали, что умели, — говорил он. — Мы удовлетворяли потребностям нашего времени, светили людям на радость и на горе. Мы пережили много важных событий, мы были, так сказать, ночными глазами Копенгагена. Пускай теперь нас отчисляют и заменяют по должности новым освещением. Но никому неизвестно, сколько лет ему в свою очередь придется светить и какие дела суждено освещать. Правда, новое пламя блестит ярче нас — стариков, но что ж тут мудреного при сложении газового канделябра, при огромных его связях и при взаимной поддержке?.. От канделябр во все стороны идут трубы, так что газовые рожки могут запасаться силами и в городе и за городом. Мы же, ворванные фонари, светимся собственными средствами — тем, что в нас самих есть, а не по протекции родственников. Сами мы и предки наши светили Копенгагену с незапамятных времен. Сегодня мы светим в последний раз, как бы в задней шеренге за вами, лучезарные сотоварищи, но мы не будем ни дуться на вас, ни завидовать вам; напротив, уступим вам наше место добродушно и весело, как старые часовые, сменяемые молодыми драбантами, мундир которых наряднее ихнего. Хотите, мы расскажем вам, что́ видел и пережил наш род, начиная с пра-пра-перепрадедушки-фонаря и кончая нами — то есть всю историю Копенгагена? Желаем и вам с вашими потомками вплоть до последнего газового канделябра включительно мочь рассказать — в тот день, когда вас упразднят подобно нам — о таких же важных прожитых вами событиях. А что вас упразднят — с этим

⁷ С тех пор их действительно давно упразднили.

помириться: люди, конечно, откроют более яркое освещение, чем газовое. Я слышал от одного проходившего студента, что уже потолковывают о том, как бы заставить гореть морскую воду». — При этих словах в фонаре затрещал фитиль, как будто в него уже на самом деле всочилась вода.

Все это крестный выслушал со вниманием, раскинул умом и нашел, что мысль старого фонаря — рассказать в тот переходный от ворвани к газу вечер всю историю Копенгагена — в сущности, прекрасная мысль.

— А прекрасной мысли упускать не следует, — продолжал крестный, — я не откладывая воспользовался ею, пошел домой и изготовил тебе эту книжку, где, впрочем, говорится и о таких событиях, которых не могут помнить ворванные фонари.

Вот моя книжка, вот моя быль:

«Ж и т ь е - б ы т ь е К о п е н г а г е н а»

Как видишь, начинается она черным листком, — непроницаемым доисторическим мраком.

— Перевернем на страницу, — сказал крестный.

Видишь картинку? — Одно бурное море, ветер дует с северо-востока и гонит по волнам толстые льдины. На них путешествуют каменные глыбы, с грохотом скатившиеся на лед с норвежских утесов. Ветер гонит их на юг, он хочет показать германским горам образчики норвежской почвы. Флот льдин уже в Зунде, у берегов Зеландии, где теперь Копенгаген... Но в то время никакого Копенгагена не было, лишь обширные песчаные мели расстилались под водой; на одну из них набежали льдины с обломками скал, весь ледяной флот остановился, и ветер уже не в силах сдунуть его с места. Это приводит его в ярость, он прокликает мель, называет ее «воровскою мелью» и дает зарок, что если она хоть на вершок подыметса из воды, на ней появятся воры и разбойники, воздвигнутся колеса и дыбы. Но пока он так бранится, проглядывает солнце, и лазурные кроткие духи, дети света, качаясь и колеблясь на солнечных лучах, заводят над дышащими холодом льдинами воздушную пляску, от которой лед быстро тает, причем камни погружаются на песчаное дно.

«Эх вы, сброд солнечных козявок, — свистит норд-ост, — что ж это по-товарищески, по-родственному? Я же вам это припомню! Проклинаю вас всех до единой!»

«А мы благословляем — благословляем эту мель, — поют дети света. — Она подыметя из воды, мы будем охранять ее, и на ней воцарятся истина, добро и красота».

«Чепуха!» — шумит ветер.

— Видишь ли, — заметил крестный, — обо всем этом фонари не могли бы тебе рассказать, а я могу: для истории же Копенгагена это будет иметь важное значение.

Переворачиваю еще страницу.

Годы протекли, песчаная мель поднялась, и на первый высушенный камень села морская птица, — она-то и представлена на этой картинке.

Прошло еще много лет. Море выбрасывало на песок сонную рыбу, на берегу выростал приморский бурьян, увядал, гнил и удобрял собою почву, многочисленные породы трав покрыли бывшую мель, — она стала зеленым островком. Сюда высаживались викинги, творили между собою суд Божий и бились не на живот, а на смерть. Близь островка против Зеландии была хорошая якорная стоянка.

Вот рыбаки зажгли первый ворванный светильник: я полагаю, что они пекли на нем рыбу; а рыбы было здесь много. Сельдь проходила через Зунд такими стаями, что над ними трудно было провести лодку. В воде, казалось, трепетали зарницы, морская глубь горела северным сиянием. На Зунде богатели от рыбных промыслов. Зеландский берег покрывался домами с дубовыми срубами и лубяными крышами. Лесу для стройки было довольно. В гавань заходили корабли. Ворванный фонарь колебался в снастях, а нордост распевал свою унылую песню. Если мерцал огонек на «Воровском Острове»⁸, это был воровской огонек: при свете его контрабандисты и воры вершили свои дела.

«Там вскоре процветет напрогноченное мною зло, — свистит ветер, — там вскоре вырастет дерево, плоды которого я буду отрясать».

— Вот оно, это дерево, — сказал крестный, — взгляни — то виселица на Воровском Острове. На железных цепях висят разбойники и убийцы, точь-в-точь как висели тогда. Ветер дует так сильно, что длинные скелеты гремят костями, как будто стучат зубами от холода, а месяц радостно светит на них с небес, словно озаряет какой-нибудь бал в лесу.

⁸ В то время островок собственно назывался «Воровским мысом» (Tyvsnäs).

Солнце тоже радостно сияет, под его влиянием качающиеся скелеты мало-помалу распадаются в прах, и дети света, колеблясь на солнечных лучах, поют: «Будет по-нашему, будет по-нашему, со временем на островке станет хорошо, — пышно расцветет на нем красота!» «Бабье вранье!» — ворчит норд-ост.

— Перевернем еще лист, — продолжал крестный.

В Роскильде звонят в колокола. Живет там епископ Абсалон. Умеет он и Библию читать, и мечом владеет искусно. Сильна его власть, сильна в нем и воля. Он решил оградить предприимчивых зеландских рыбаков, местечко которых на берегу Зунда разрослось в ярмарочный город. Вот он велит окропить Воровской Островок святою водой, чтоб освятить обесчещенную землю. На островке каменщики и плотники принимаются за дело. По воле епископа воздвигается здание, и по мере того как оно растет, солнечные лучи покрывают его кирпичные стены поцелуями.

«Акселев дом» готов⁹.

Замка крыши
 Леса выше, —
 Чуден, страшен
 Его башен
 Мрачный вид,
 «С места сдвину,
 Опрокину!» —
 Так грозит
 Злой норд-ост,
 В трубах воет
 Снегом кроет...
 Гордый замок все ж стоит
 Во весь рост.

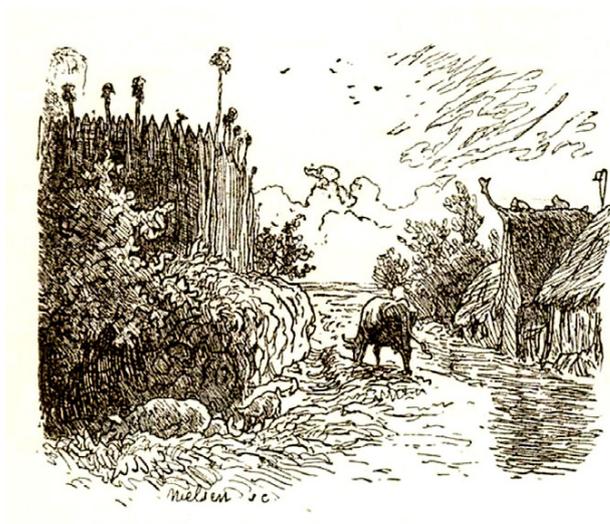
А против него расположился «Наfn», «гавань купцов»,

Клетка царевны морской, возведенная
 В зелени роц у блестящих озер.

Приезжают туда чужеземцы и закупают обильные уловы рыбы; строятся лавки и дома с пузырем в окнах — стекло еще слишком дорого; появляется пакгауз с кровлею щипцом¹⁰ и с подъемным вóро-

⁹ Аксель, другое более популярное имя епископа Абсалона.

¹⁰ То есть лишь на два ската — старинная европейская архитектура.

Иллюстрации Лоренца Фрëлиха к новелле Х.-К. Андресена «Альбом крестного» том. В лавках сидят приказчики, старые холостяки, не имеющие права жениться, и торгуют имбирем да перцем¹¹.

Норд-ост гуляет по улицам и переулкам, взметает пыль на воздух, кое-где по дороге снесет соломенную крышу. Вдоль уличных канав бродят коровы и поросята.

«Берегись, сторонись! — шумит ветер, — иду свистеть между домов, иду завывать кругом Акселева дома... Я не ошибся в предсказании: Акселев дом люди уже зовут “замком пыток” на Воровском Островке».

И крестный показал мне в своей книжке «Замок Пыток», нарисованный им самим. Круговая стена его была часто усажена кольями, а на каждом из них торчала голова морского разбойника и щерила зубы.

— Это суцая правда, — заметил крестный, — а такие примеры в пользу и в назидание.

Однажды в своей купальне епископ Абсалон сквозь тонкую ее переборку услышал, что к острову подошли разбойники. Мигом выскочил он из купальни, прыгнул в ладью, затрубил в рог... Сбежались люди, разбойники обратили тыл, гребут, что есть мочи... Вдогонку за ними летят стрелы, иные вонзаются в их руки, но им некогда вырывать их. Всех перехватал епископ живьем и всем им отрубил головы, которые затем вздел на стену замка.

Норд-ост, надув щеки, веет непогодой.

¹¹ Непереводимая игра слов. Уполномоченные или приказчики Ганзейских городов в Копенгагене, для пользы торгового дела, принимали на себя обязательство не вступать в брак. Отсюда датское слово *Pebersvend* — холостяк (в буквальном смысле *перечный приказчик*).

«Здесь я улягусь, — говорит он, — здесь буду отдыхать и любоваться этим сборищем удалых голов».

Но отдыхает он часы, дует же по целым суткам, — и годы проходят за годами.

На башню замка взошел сторож и смотрит во все стороны, смотрит на восток, на запад, на юг и на север.

— Гляди сюда на картинку! — сказал крестный, — его-то ты видишь, но что он видит, о том уже мне придется тебе рассказать.

От стен замка пыток до самой Кёгской Бухты расстилается синее море... Широкий судоходный простор, охватывающий зеландские берега! На суше, отделенный полем от больших сел Серрицлева и Солбьерга, все шире и шире разрастается новый город, с домами, построенными наполовину из камня, наполовину из леса. Есть в нем особые переулки для башмачников и для живоделов, для продавцов пряностей и для пивных торговцев. В городе базарная площадь и цеховое правление, а у самого берега, где сперва был островок, стоит великолепная церковь Св. Николая. Колокольня ее и шпиц исполинских размеров отражаются в светлой воде¹². Неподалеку церковь Богоматери¹³, где за обедней поются молитвы, где благоухают курения и теплятся восковые свечи. «Купеческая гавань» стала епископским городом. Правят им roskilde-ские владыки.

В Акселевом доме живет епископ Эрландсен. На его кухне повара пекут и жарят, в горницах разлитое море вина и пива, гудят волынки, гремят литавры, горят лампы и восковые свечи, и замок сияет как будто светоч для всей страны. Норд-ост дует на его башню и стены, но они стоят себе как ни в чем не бывало. Дует он на западные укрепления города, на старую ограду из одних пластин, но и она держится крепко. За нею в поле стоит датский король Христофор I. Разбитый бунтовщиками при Скульскёре, он пришел искать убежища в епископовом городе.

«Уходи, уходи! — шумит ветер, повторяя слова епископа. — Городские ворота для тебя закрыты...»

¹² В былое время одна из великолепнейших церквей Копенгагена. После пожара 1795 г. от нее осталась одна колокольня и то без крыши и шпица.

¹³ Известная Fruekirke, в позднейшее время украшенная изваяниями Торвальдсена; снаружи на фронте находится его «Проповедь Иоанна Крестителя», а внутри Христос и двенадцать Апостолов.

Смута, тяжелые дни безначалия; на замковой башне развевается голштинское знамя. В Дании печаль и вздыхание, междуусобица и «черная смерть». Непроглядная ночь царит над Копенгагеном... Но вскоре снова встает день, воцаряется Аттердаг...¹⁴ Город епископа становится королевским городом. Улицы узки, высоко поднялись островерхие коньки его домов; есть в нем сторожа, есть ратуша, есть и каменная виселица у Западных ворот. На той виселице загородный житель не смеет быть повешенным, только природный гражданин Копенгагена имеет право на такой высокий почет, только он может на ней покачиваться и глядеть с ее высоты на Кёге и на Кёгских кур¹⁵.

«Прекрасная виселица! — говорит норд-ост, — красота процветает», — и он принимается гудеть и шуметь пуще прежнего.

Другой ветер приносит из Германии бедствия и разорение. Пришли ганзейцы, богатые купцы из Ростока, Любека и Бремена. Они оставили свои склады и прилавки. Им мало золотого гуся с Вальдемаровой башни¹⁶, они хотят распоряжаться хозяевами в самой столице датского короля. Приходят они с военными судами и застают датчан врасплох. К тому же, королю Эрику нет охоты воевать с немецкою родней; она многочисленна и сильна, — и, проскакав через Западные ворота, он бежит со своею свитой в Сорё, на берега тихого озера, в зеленую сень лесов, где раздаются песни любви и звон чаш...

Но в Копенгагене еще бьется одно царственное сердце. Гляди сюда на картинку: видишь эту изящную нежную молодую женщину с льняными локонами и синими, как море, глазами? То датская королева Филиппа, родом принцесса английская. Она осталась в смятенном городе, где граждане, потеряв голову, мечутся по тесным улицам и переулкам, застроенным сараями, лавками и крутыми наружными лестницами домов. Королева смела и бесстрашна, как мужчина: она созывает горожан и крестьян, ободряет их, вселяет

¹⁴Опять непереводаемая игра слов. Само имя Аттердаг — прозвище Вальдемара III (1340–1375). Значит буквально *снова день* (atter Dag); произошло оно от любимой поговорки этого короля: «Завтра снова будет день» — то есть не следует спешить и поступать опрометчиво.

¹⁵В Дании детям показывают «кёгских кур» подобно тому, как у нас показывают им «Москву», то есть приподымают их обеими руками за голову.

¹⁶«Вальдемарова башня» находится на юге Зеландии близ города Вординборга. Вальдемар в насмешку над ганзейцами выставил на ней в виде флюгера золотого гуся (Hanse — Gans). Гусь этот, по преданию, был впоследствии украден ганзейцами.

в них мужество; суда оснащаются, ратные люди спешат на укрепления, единороги палят. Сверкает пламя, клубится дым. И вот в сердца точно проникло солнечное сияние, взоры светятся торжеством победы... Господь не покинул Дании! Слава королеве Филиппе!.. Тут она представлена в хижине, тут — в замке, тут — в королевском дворце, всюду она ухаживает за больными и за ранеными. Я вырезал венки и наклеил его вокруг ее изображения. Слава, вечная слава королеве Филиппе!

— Перенесемся чрез много лет, — продолжал крестный, — вместе с Копенгагеном, конечно...

Король Христиерн I вернулся из Рима, его благословил папа и по всему долгому пути встречали приветствиями и почестями. Вернувшись, он строит здание из «обожженного камня». Там будет процветать наука — на латинском языке. Всякому открыт сюда доступ. Оторвавшись от плуга или оставив ремесленное заведение, сын бедняка может тоже учиться, милостыней пробираясь в люди; он может стяжать широкий черный плащ студента и петь перед дверями горожан.

Возле самого храма науки, где все по-латыни, стоит небольшой домик, в котором царит датский дух, датский язык и датские нравы, к завтраку подается пивной суп, и обедают в 10 часов утра. Сквозь стекла маленьких оконниц солнце освещает буфет и книжный шкаф. В шкафу хранятся сокровища датской письменности: *Rosenkrand*, *Божественные комедии Миккельса*, *Врачебник Генриха Гарпенстренга* и рифмованная летопись Дании отца Нильса из Сорё. «Всякий образованный человек должен прочесть эти книги», — говорит хозяин домика, и, благодаря ему, они распространяются в Дании. То первый датский типограф, голландец Готфрид фан-Гемен: он упражняется в «чернокнижии» — в благословенном искусстве книгопечатания...

Книги попадают и в королевский дворец и в хижину бедняка, пословицы и песни увековечиваются...

Чего человек в печали и в радости не решается высказать прямо, о том иносказательно, но для всех понятно, поет птица народной песни. Свободно и неудержимо носится она по белу свету, влетает в дом простолюдина и в рыцарские палаты, соколом клекочет на руке рыцарской дочери, или в подвале замка попискивает мышкой для заключенного поселянина.

«Все это пустые слова», — шумит норд-ост.

«Весна идет! — поют солнечные лучи. — Смотри, как всюду проступает зелень».

— Продолжаем перелистывать нашу книгу, — говорит крестный.

Что за блеск, что за роскошь в Копенгагене! Пышные турниры, торжества, забавы... Посмотри, сколько благородных рыцарей в полном вооружении, сколько знатных жен в шелку и в золоте! То король Ханс выдает свою дочь Элисавету за курфюрста Бранденбургского. Невеста ступает по разостланному бархату. Как она молода, как жизнерадостна! Воображение рисует ей в будущем семейное счастье. Рядом с нею идет ее брат Христиерн, молодой принц с мрачным взором и горячею, кипучею кровью. Простонародье любит его: он знает, как оно угнетено, и мечтает об общем счастье бедняков.

Но один Бог волен в счастье и несчастье.

Продолжаем перелистывать нашу книгу.

Ветер распеваает песнь об острых мечях, о бедствиях войны, о тяжелой поре...

Середина апреля, день выдался холодный; к старинной таможне за дворцом сбегается народ: у пристани королевское судно под парусами и с поднятым флагом. Люди смотрят из окон и с крыш, на лицах печаль, ожидание, страх... Все глядят по направлению дворца, где еще так недавно в золотых чертогах танцевали с факелами и где теперь так тихо и пусто; глядят на выступ с окном, откуда, бывало, король Христиерн смотрел за дворцовый мост, вдоль узкого переулка, в ту сторону, где жила его «голубка», голландская девушка, привезенная им из Бергена; ставни окна закрыты наглухо. Толпа глядит на дворец. Вот распахнулись ворота, подъемный мост опустился, и из дворца выезжает король Христиерн со своею верною женой Элисаветой¹⁷. В годину несчастья она не покидает своего короля и господина.

Огонь горел в его крови, огнем пылала его мысль, он хотел порвать связи с прошлым, разбить ярмо, тяготевшее над крестьянином, улучшить быт городского сословия и обкорнать крылья «жадным

¹⁷ Иначе Изабелла.

коршунам»¹⁸. Но коршунов было слишком много: он не сладил с ними и покидает Данию, чтобы за границей искать помощи у союзников и родных. Жена и верные друзья следуют за ним на чужбину. У провожающих навертываются на глаза слезы.

В песне времен раздаются голоса за и против него; три отдельных хора сливаются вместе.

«Горе тебе, Христиерн Немилостивый! — укоряет его благородное сословие, — кровь, пролитая тобою на Стокгольмской площади, громко вопиет о мщении. Да будешь ты проклят! Горе, горе тебе...»

В кликах монахов слышится тот же приговор: «Будь отвергнут Богом, как ты отвергнут нами! Ты призвал сюда Лютерову ересь, разрешил ей церкви и проповедные кафедры и развязал тем язык Дьяволу. Горе тебе, Христиерн Лукавый!»

Но среди крестьян и горожан раздается горькое рыдание: «Христиерн, любимый народом! Ты сказал: *нельзя продавать крестьянина, как скот, или выменивать его на охотничьих собак*. Закон этот — твой хвалебный гимн!»

Но слова бедняков, подобно полóве, уносятся ветром.

Королевский флаг промелькнул мимо дворца, и народ взбегает на крепостной вал, чтоб оттуда еще раз взглянуть на отплывающее королевское судно.

В черный день не полагайся на друзей, не полагайся на родственников!

В Кильском дворце живет брат короля Ханса, дядя Христиерна, — Фредерик. Он хочет овладеть датским престолом, он уже под стенами столицы. Видишь эту картинку с надписью: «верный Копенгаген»? Над городом черные тучи складываются в грозные образы, слышится отдаленный гром... Раскаты его и поныне грохочут в былинах и песнях, повествующих о том тяжелом, мрачном, унылом времени.

— А что стало с бездомною птицей, королем Христиерном? О том знают и поют птицы, носящиеся далеко над землей и над морем.

Раннею весной с дальнего юга, через Германию, прилетел аист. «Я видел короля Христиерна, — говорит он, — царственный беглец ехал по заросшей вереском степи, там попалась ему на встречу простая телега, запряженная одною клячей; в телеге сидела его сестра, маркграфиня Бранденбургская, прогнанная

¹⁸То есть дворянству.

мужем за преданность лютеранскому учению. Дети короля Ханса, оба изгнанники, встретились в глухой пустыне¹⁹».

В черный день не полагайся на друзей, не полагайся на родственников...

Из Зондербургского замка с жалобною песнью прилетела ласточка: «Короля Христиерна обманули: сидит он в глубокой, как колодезь, башне, тяжелые шаги его истирают плиты пола, его палец проводит борозду в твердом мраморе».

И явственной слов, о безвыходном горе
Поведает в камне немой желобок.

С бушующего моря примчался морской орел: «там по широкому простору несется корабль, плывет смелый фиониец Сёрен Норбю. Ему сопутствует счастье, но счастье так же изменчиво, как погода и ветер...»

В Ютландии и Фионии каркают воробны и вороны: «Мы летаем по поднебесью, — кричат они, — и видим, что в стране изобилие, много павших лошадей, много человеческих трупов...»

То «графская усобица» опустошает Данию. Крестьянин взял дубину, горожанин запасся ножом: перебьем волков, говорят они, не оставим ни одного волчонка. — И тучами тянется дым от пылающих городов.

Король Христиерн в плену в Зондербургском замке; не суждено ему вырваться на свободу, не суждено увидеть бедствующий Копенгаген. На «Северном выгоне», где некогда стоял Фредерик, стоит теперь его сын, Христиан III. В столице смятение, голод и зараза. У церкви, прислонившись к стене, сидит в лохмотьях исхудалая женщина, она уже бездыханна, а двое детей на ее руках еще живы и сосут кровь из мертвой груди ее.

Жители пали духом, дальше нельзя сопротивляться. — О, верный Копенгаген!

Трубные звуки и бой в литавры. Знатные рыцари в шелку и бархате с колеблющимися на шляпах перьями, верхом на конях в золотом уборе, едут на «Старую Площадь». Зачем? на обычный турнир или карусель? — Туда же со всех сторон стекаются горожане и крестьяне в лучших своих нарядах. Какое зрелище привлекает их?

¹⁹ Тут Андерсен приводит в примечании слова старинного датского историка Арильда Витфельда: «Удивительно, что детям такого богобоязненного, изящного и знатного государя, каким был король Ханс, суждено было испытать столько несчастий».

Уж не костер ли, на котором будут жечь папские образа, или, быть может, сожгут кого-нибудь живьем, как Слагхёка? Нет! то глава государства, король, стал лютеранином, и правительство оповещает об этом народ.

В высоких воротниках, с жемчугом на шляпах, сидят у открытых окон благородные жены и девушки и смотрят на пышное торжество. Близ королевского трона, на разостланном сукне, под небом из сукна сидят в старинных одеяниях члены королевского совета. Король безмолвствует. Воля его, утвержденная советом, читается вслух на датском языке. К горожанам и крестьянам обращены упреки и угрозы за их сопротивление именованному дворянству. Горожане принижены, крестьяне закабалены. В свою очередь и епископы слышат строгую отповедь. Конец их могуществу! Церковные и монастырские имения становятся достоянием короля и дворян.

В стране взаимная ненависть и высокомерие, чванливая расточительность и нищета. Бедные подавлены, богатые не знают на себе узды.

Тяжелые тучи нависли над этою мрачною порой, но сквозь них прорываются и солнечные лучи. Солнце светит в храм науки, в приют студентов, и озаряет там имена, которые продолжают сиять и до наших дней. Сияет имя Ханса Таусена. Сын бедного фионийского кузнеца, он стал нашим Лютером и словом Христовым, как мечом, победил сердца датчан²⁰. Сияет латинское имя Petrus Paladius, по-датски Петер Пладе²¹, то roskildeский епископ родом из Ютландии, отец которого был также кузнецом. Из знатных имен блещет имя Ханса Фриса, государственного канцлера, сажавшего за свой стол бедняков-студентов, принимавшего к сердцу их нужды и заботившегося даже о школьниках²². Но самые восторженные клики, самые звонкие песни вызывает имя Христиана IV, и пока в Копенгагене останется хоть один студент, имя это будет встречемо громким ура.

Сквозь тяжелые тучи эпохи преобразований пробиваются и солнечные лучи.

²⁰ Таусен род. в 1494 г., умер епископом в Рибе в 1561 г., много ратовал против католицизма, писал псалмы и перевел на датский язык несколько книг Ветхого Завета (Пятикнижие).

²¹ 1504–1560. Другой ревностный поборник реформации, назначен епископом по представлению Лютера и Меланхтона, которых знал лично.

²² Однако этот покровитель наук (1556–1616) был одним из главных врагов Тихо Браге.

Перевернем страницу.

Что за лепет, что за песня слышится в Большом Бельте у берегов Самсё? То морская царевна с зелеными, как водоросли, волосами вышла из волн и ворожит поселянину: она возвещает ему рождение принца, который станет великим могучим государем.

Принц этот родился в поле под сенью цветущего боярышника, и слава его поныне неувядаемо цветет в народных былинах и песнях, в рыцарских замках и дворцах. При нем выросла биржа со своею башней и шпиром, вознесся Розенборг и глянул далеко за крепостной вал; при нем построено особое здание для студентов²³, а возле встала Круглая Башня, столпообразная обсерватория, до сих пор указывающая на небо... Она устремила взор на остров Вэн, где некогда стоял гордый замок Ураниенборг с золотыми куполами, сверкавшими в месячном сиянии, и где морские царевны пели про его владельца, про высокородного гениального Тихо Браге, которого посещали короли и светила науки. Благодаря ему слава Дании вознеслась высоко-высоко до звездного неба, поведавшего просвещенному миру о нашем отечестве. А Дания отвергла великого мужа...

В своем горе изгнанник утешал себя песнью:

Где б я ни был, всюду небо
Распростерто надо мной.

И песня его так же живуча, как народные песни, как песнь морской царевны о Христиане Четвертом.

— На эту страницу обрати особенное внимание, — сказал крестный, — картинка следует на ней за картинкой, как в былинке стих за стихом: это песня с самым веселым началом и с самым грустным концом...

В Королевском дворце танцует ребенок. Что за прелестная девочка! Зовут ее Элеонорой — это любимая дочь Христиана IV. Она часто сидит у него на коленях. Воспитывают ее в правилах строгой нравственности и женской добродетели. Знатнейший представитель могущественного дворянства, Корфиц Ульфельд, наречен ее женихом. Но она еще дитя. Строгая гувернантка наказывает ее розгами, Элеонора жалуется милому и в его глазах всегда остается права. Она изящна, умна, образована, изучила греческий язык и латинский,

²³ Так называемый Regentsen с дарами для них квартирами.

поет итальянские песни под звуки лютни и здраво рассуждает о папе и о Лютере.

Но короля Христиана поставили в могильную часовню Роскильдского собора, на престол сел Элеонорин брат. Блеск и роскошь царят при дворе, много там красавиц и умниц, и первая из них — сама королева София Амалия Люнебургская. Кто может сравниться с нею? Кто так искусно управляет конем? Кто танцует с такой величественной грацией? Кто в беседе выказывает столько ума и начитанности?

«Элеонора Ульфельд! — красотой и умом она затмевает всех».

Слова эти сказал французский посланник... И зависть вырастает репейником на блестящем паркете дворцовой залы; репейник цепляется, рассеивает кругом насмешки и оскорбительные речи: «Она незаконная дочь! Пусть колесница ее останавливается у дворцового моста; где проезжает королева, там пускай простая женщина проходит пешком». Клевета, сплетни и ложь летят во все стороны, как поднятая вихрем пыль.

В глухую ночь Ульфельд уводит жену из дому. Ключи ото всех городских ворот у него. В поле ждут их оседланные лошади. Верхом скачут они по морскому берегу, затем садятся в лодку и плывут в Швецию²⁴.

Счастье покинуло их. Перевернем страницу.

Поздняя осень — короткие дни, долгие ночи. Холодно, пасмурно, сыро. Ветер усиливается, шумит в ветвях деревьев на валу²⁵ и гонит опадающие листья на двор Петра Оксе: никого нет на этом дворе, хозяева давно выбрались²⁶.

Гудит ветер и в Христиансгавне²⁷ вокруг бывшего дома Кая Люкке, обращенного теперь в тюрьму. Сам Кай Люкке бежал, его лишили дворянства, сломали его герб, а изображение повесили на самой высокой из виселиц. Так поплатился он за легкомысленный, непочтительный отзыв о королеве²⁸.

²⁴ Маленькая неточность: Ульфельд бежал сначала в Голландию.

²⁵ Земляной вал Копенгагена с давних пор зарос деревьями; в настоящее время остатки его, так же как и вал Копенгагенской цитадели, представляют своеобразный парк.

²⁶ Петр Оксе, один из выдающихся государственных людей Дании, министр финансов при Христиане III, бежал вследствие козней жены его, королевы Доротеи.

²⁷ Часть Копенгагена, расположенная на острове Амагере.

²⁸ Кай Люкке, богатый, могущественный дворянин и известный красавец, в письме к своей любовнице неуважительно выразился о чести королевы Софии Амалии (жены Фредерика III), за что пять лет спустя был приговорен к смертной казни, от которой, впрочем, спасся бегством; вернулся в Данию при Христиане V.

С ревом мчится ветер над пустырем, где когда-то стоял замок все сильного правителя. От замка остался всего один камень.

«Тот камень занесен мною сюда на плавучих льдинах, — шумит ветер, — приткнулся он на мель, где позднее всплыл проклятый мною Воровской Островок, а оттуда попал в Ульфельдов двор, где, бывало, Элеонора пела песни под бряцание лютни, читала по-гречески и по-латыни и гордилась своим умом и красотой. Теперь здесь остался один этот камень с его надписью: «Изменнику Корфицу Ульфельду на вечное посмеяние, стыд и позор».

А она где? Где знатная его жена?

«За дворцом, в Голубой Башне, — шумит в ответ ветер. — Много лет сидит она там. Печь ее не греет, только дымит, одинокое оконце пробито в вышине под потолком. Снаружи в осклизлые стены хлещет морская волна. Как унижена бывшая баловница Христиана IV, изящнейшая из девушек, прелестнейшая из жен! Как убога ее обстановка! Воспоминание убирает ей закоптелые стены занавесами и штофными обоями. Воображение уносит ее в чудную пору детства. Снова видится ей доброе, вдохновенное лицо ее отца; приходят на память пышные торжества ее свадьбы и дни величия, и затем годы испытаний в Голландии, в Англии, на Борнгольме... Тогда ничего ей не казалось тяжелым, тогда с нею был он, теперь же она одна, одна на веки. Ей даже неизвестно, где его могила, да и никто этого не знает.

А все ее преступление заключалось в любви к мужу.

Долгие годы сидит она в неволе, в то время как кругом по-прежнему кипит и волнуется жизнь: жизнь никогда не останавливается, но мы — мы остановимся здесь на мгновение, чтобы почтить ее память и повторить в уме слова песни:

Была я преданной женою
Во всех превратностях судьбы.

А эта картинка как тебе нравится?

Земля покрыта снегом. Король Густав без удержу стремится вперед. Суровая зима сковала для него мост между Лоландом и Фиионией. По всей Дании смятение и ужас, грабежи и поджоги.

Шведы подступили под Копенгаген. На дворе метет метель, жестокий мороз кусает за лицо, но верны своему королю, верны самим себе, мужчины и женщины вышли на бой со врагом. Ремесленник, лодочник, студент и профессор стали рядом и защищают

вал. Не страшны им шведские каленые ядра. Фредерик поклялся умереть в «родном гнезде». Вон он едет верхом вместе с королевой. В сердцах проснулась доблесть, сознание долга и любовь к отечеству. Ночью шведы надевают белые рубахи — рубахи эти стали их саванами — крадутся по снегу к городу и бросаются на приступ, но сверху летят на них бревна и камни; женщины обливают их из пивных котлов кипящей смолой и дегтем.

В ту ночь король и горожане явились одной совокупной силой — и Копенгаген спасен, победа одержана! Гудят колокола, поются благодарственные молебны... Горожане, здесь заслужили вы себе дворянские шпоры!

А дальше что? Взгляни на следующую картинку.

Жена епископа Сване едет по улице в закрытой колымаге. Но в закрытых возках могут ездить только лица благородного сословия, и надменная дворянская молодежь ломает возок. Она должна идти домой пешком.

Ты думаешь, конец делу? Нет, погоди! Сейчас сломится нечто поважнее епископского возка, — сломится власть высокомерного дворянства.

Бургомистр Ханс Нансен²⁹ и епископ Сване протягивают друг другу руку. Город и церковь заключают союз, епископ и бургомистр действуют сообща во имя Господне. Их толковые разумные речи раздаются в церкви Божией и в доме горожанина. Заговор созрел. Жители закрыли гавань, заперли городские ворота, ударили в набат — и власть во всей ее полноте передается тому, который в минуту опасности не покинул родного гнезда: да правит он один, да царствует над сильными и слабыми!

Наступает пора самодержавия.

Переворачиваем лист — и перед нами другое время.

Галлó, галлóй, галлó!³⁰ Плуг бездействует, поля зарастают вереском, зато охота хороша. Галлó, галлóй!.. Чу, трубят рога, заливаются гончие. Среди толпы охотников едет сам король Христиан V. Он молод и счастлив. При дворе и во всей столице веселье. В залах горят восковые свечи, во дворах факелы, на улицах фонари. Все сияет

²⁹ У Андерсена неточно, *Хансен*.

³⁰ Охотничий попрыск.

каким-то новым блеском. Новая знать, призванная из Германии, бароны и графы, пользуются монаршим расположением и милостями; титулы, чины и немецкий язык в почете.

Но раздаются также звуки чистого датского языка — то епископ Кинго, сын простого ткача, поет свои чудные псалмы³¹.

Вот и другой датчанин, Гриффенфельд. Он прославился на поприще законодательства: его свод законов служит золотой оправой для имени Христиана V. Простолюдин-Гриффенфельд становится могущественным сановником, пожалован званием дворянина и вместе с ним приобретает себе врагов. Он уже на эшафоте, над головой его палач уже занес меч, но свыше раздаются слова помилования, и смертная казнь заменена вечною ссылкой: Гриффенфельда отвозят на скалистый остров близ Трондъема — на датский остров Св. Елены.

А по залам дворца, среди блеска и роскоши, проносятся легкие пары — придворные дамы и кавалеры танцуют под звуки оживленной музыки...

На престоле Фредерик IV. Плывут его гордые суда с победными флагами, море волнуется, многое могло бы оно рассказать о подвигах датчан, о датской славе. Нам памятливы имена героев Сэгэстеда и Гюльденлёве: мы не забыли имени Витфельда, который, спасая датский флот, взорвал свой корабль и полетел к небу со знаменем Данеброга. Мы перебираем в уме битвы и победы Петра Торденскюльда, бросившего в детстве иглу портного и спустившегося с норвежских утесов для защиты Дании. От края и до края широкого бурного моря гремит его имя: он разбудил в потомках дух предков — викингов.

А с побережий Гренландии веет благоуханием, как из страны Вифлеемской, и ветерок приносит весть о свете евангельской истины, распространяемой Гансом Эгедом и его женой³².

³¹ 1634–1705, был епископом в Фионии, не скрывал своей нелюбви к немецкой партии при дворе, вследствие чего нередко попадал в немилость; сочиненные и частью положенные им на музыку псалмы до сих пор считаются лучшими на датском языке.

³² Эгедом (1686–1758) — известный миссионер. Чтение саг навело его на ошибочное предположение, что жители Гренландии суть потомки открывших ее норманнов. Предположение это и побудило его отправиться туда в качестве миссионера. Хотя по приезде в Гренландию Эгедом и убедился, что там живут одни эскимосы, тем не менее он не оставил своего дела и, изучив эскимосский язык, долгое время проповедовал среди них Евангелие. Датское правительство поддерживало его в материальном отношении, особенно при Фредерике IV. Одна из гренландских колоний до сих пор носит его имя (Эгедесминне).

Вот почему одна половина этой страницы имеет золотое поле. Другая же — траурная, пепельного цвета, с черными крапинами, точно прожжена искрами пожара, точно носит следы черной немочи...

В столице свирепствует чума: улицы пусты, дома заперты, на дверях — где мелом, где углем — начерчены кресты: белый крест значит, что в жилье зараза, черный — что все в нем вымерли. Без колокольного звона, ночью, выносятся тела умерших. По мостовой гремят тяжелые повозки, нагруженные трупами, и забирают на улицах полуживых. А в кабаках раздаются непристойные пьяные песни и дикие клики: несчастные хотят хмелем прогнать мысль об ужасной смерти, хотят позабыться и кончить жизнь в забытьи... Все на свете должно кончиться — вот и страничке этой конец, но в конце ее новое бедствие, новое испытание для Копенгагена.

Король Фредерик IV еще жив, хотя давно поседел от лет. Он следит из окна за несущимися тучами. На дворе поздняя осень, собирается буря...

В одном маленьком доме близ «Западных Ворот» ребенок играл мячом. Мяч взлетел на чердак, ребенок полез за ним с сальной свечкой, и в домике вспыхнул пожар, — занялась вся улица, сумерки осветились, тучи отражают зарево... Смотри, как быстро растекается пламя. Пищи да него вдоволь: много сена и соломы, сала и дегтя, много дров в сажнях припасено на зиму. Все горит, кругом плач и вопли; люди мечутся, не зная, что делать. Старый король верхом на коне ободряет народ, отдает приказания, дома взрываются порохом. Но пожар уже перешел в северный квартал, горят церкви Св. Петра и Богоматери, их колокола поют последнюю песню: «Боже милостивый, отвори от нас гнев Твой».

Остались только Круглая Башня да дворец, вокруг одни дымящиеся пустыри. Добрый король любит свой народ, он утешает погорельцев, раздает им помощь, и бездомные скитальцы находят в нем друга. Да благословит Бог Фредерика IV!

Теперь взгляни на эту картинку.

От дворца отъезжает золотая карета, окруженная гайдуками; спереди и сзади скачут всадники в доспехах. Вокруг дворца протянута железная цепь, чтобы народ не подступал к нему слишком близко. Простолюдины не смеют переходить чрез дворцовую площадь с покрытою головой: оттого-то их здесь и не видно, они идут в обход. Видишь, на площади всего один человек; взор его опущен,

шляпу он держит в руке. Это тот, чье имя составляет теперь нашу гордость.

Звуки лиры его, словно ветры с земли,
Пыль и сор с наших нравов сметали
И пороки, что к нам из чужбины зашли,
Все назад саранчей ускакали.

Это Людвиг Хольберг — олицетворение ума и юмора. Но чертог его славы, датский театр, закрыт, как приют соблазна; всякого рода веселье схоронено под спудом; танцы, музыка и пение упразднены. Суровое, ложно-понятное христианство владычествует в Дании...

Но вот новый король правит страной. В детстве мать называла его «der Dänenprinz». Солнце сияет, птицы щебечут. Датский дух ожил; веселье и радость вернулись в наш край: на престоле сидит Фредерик V. Цепи с дворцовой площади убраны, датский театр снова открыт, зала его оживляется веселым смехом и крестьяне играми встречают возвращение летних дней³³. После поста и измождения наступили радостные праздники. Красота разрастается ветвистым деревом и в звуках и красках приносит плоды. Слышишь ли музыку Гертри? Видишь ли игру актера Лондемана?

И королева Луиза, бывшая принцесса английская, любит все датское. Всеблагая красавица, да наградит тебя Бог в Царствии Небесном!

Солнечные лучи в радостном хоре поют о трех королевах Дании — о Филиппе, Елисавете и Луизе.

Тела иных умерших давно уже покоятся в земле, но живы души их и имена...

Англия снова дарит Данию царственной невестой, шлет к нам молодую принцессу Матильду... Несчастливая, как скоро все отвернулись от тебя! Но придет время, поэты будут слагать песни о твоём бедном сердце, о твоей молодости, о твоих испытаниях. А песнь живет долгие века, и всеильна ее власть над людьми. Вот горит дворец Христиансбург, народ спешит вынести ценнейшее добро. Несколько человек тащат корзину с серебром и иными драгоценностями: в ней целое состояние. Но вдруг сквозь растворенную дверь, за которой уже взвивается пламя, они увидели бронзовый бюст короля Христиана IV, — и корзина брошена; его изображение для них дороже всех сокровищ, в мире бюст надо спасти во что бы то ни стало и как бы тяжел он ни был. А знают они о Христиане IV только из песни Эвальда на чудный мотив Гартмана.

³³ В предшествовавшее царствование игры эти были воспрещены.

Есть несокрушимая мощь в словах и звуках! Придет время, прозвонит песня и о бедной королеве Матильде.

Перелистываем дальше.

На Ульфельдовой площади лежал позорный камень, — есть ли где-нибудь другой подобный памятник? Близ Западных Ворот воздвигнут столб, — много ли таких столбов на свете?

Солнечные лучи целуют обломок утеса, служащего подножием «Столбу Свободы». В городе развеваются знамена, трезвонят в колокола, ликующий народ приветствует наследного принца Фредерика. У старого и малого в сердце и на устах имена Бернсторфа, Ревентлова и Колбьорнсена. С сияющим взором, с душой, преисполненной благодарностью, всякий читает благословенную надпись на памятнике: «Король повелел отменить крепостное право. Отныне закон установит твердый порядок в отношениях между помещиком и свободным крестьянином, дабы последний мог стать на ноги и, воспользовавшись плодами просвещения, сделаться прилежным и честным, счастливым и уважаемым гражданином».

Вот они — настоящие красные дни, настоящий светлый праздник!

«Красота и добро торжествуют, — поют светлые духи, — скоро уберут позорный камень с Ульфельдовой площади, а Столб Свободы будет стоять вечно, благословляемый Богом, правителями и народом.

От нас ведет старинный путь
Из края в край до края света...

Путь этот широкое море, открытое для друга и недруга. И недруг пришел по нему в Данию, сильный английский флот подступил к Копенгагену: великая держава встала войной на малую. Упорен был бой, но датчане не потеряли мужества. Всякий бился без страха и упрека, принимая в объятия смерть; бойцы своею храбростью стяжали удивление врагов и вдохновили датских Скальдов. До сих пор каждое 2 апреля развеваются флаги, торжествуя годовщину славного «боя на рейде» в четверг на Светлой неделе.

Протекли годы; в Зунде снова показался флот. Против кого он шел — против России или против Дании? Никто этого не знал, не знали о том и на самих судах.

В народе ходит предание, что когда в Зунде был распечатан и прочтен приказ о нападении на датский флот, один доблестный английский капитан выступил перед своим начальником со смелой речью: «Я присягнул до последней капли крови сражаться за Англию, — сказал он, — но лишь в честном открытом бою, а не предательски, как изменник» и с этими словами бросился в море...

Флот направился к столице, а на дне морском, далеко от места боя остался холодный труп, схороненный холодными волнами. Когда его принесло течением к берегу, шведские рыбаки в звездную ночь случайно вытащили его сетью и стали метать жребий об его эполетах...

Между тем неприятель подошел к Копенгагену и сжег его... Мы потеряли флот, но мужество и упование на Бога не оставили нас. Если Господь порою и принижает нас, то подымает снова и раны наши заживают, как раны Эйнгериев³⁴.

В истории Копенгагена много таких страниц. Народ верит, что Бог не оставляет датчан, когда они Его не забывают.

Вот солнце озарило возрожденную из пепла столицу, хлебородные нивы и создания духа человеческого, и в этот ясный мирный день, вставший над нашим отечеством, поэзия явила через Эленшлегера свои величественные радужные *Fata Morgana*³⁵.

С другой стороны наука нашла драгоценный клад, обрела золотой мост, по которому мысли человеческие с быстротою молнии могут перелетать из царства в царство, и Ганс Христиан Эрстед надписал на нем свое имя³⁶.

А вот рядом с Христианборгскою церковью сооружено здание, на постройку которого и бедняки с радостью отдавали последнюю лепту.

— Помнишь одну из первых картинок? — спросил крестный. — Помнишь камни, что сорвались со скал Норвегии и занесены сюда на льдинах? Эти самые камни, поднявшиеся со дна морского, теперь, под волшебным резцом Торвальдсена, оделись мраморной красотой.

³⁴ Эйнгерии — любимые сыновья Одина, развлечение которых в Вальгалле состоит в том, что они постоянно сражаются между собою, и даже убивают друг друга — впрочем, без вреда для жизни и здоровья.

³⁵ Эленшлегер (1779–1850) — сын церковного органиста в Фредериксберге, считается величайшим из датских поэтов. Особенно известны его поэма в стихах «Боги Скандинавии» (*дат.* Nordens Guder) и трагедии с заимствованным из саг сюжетом.

³⁶ Эрстед (1777–1851) — знаменитый естествоиспытатель, открытия которого в области магнетизма и электричества привели впоследствии к изобретению телеграфа.

Помнишь, над поверхностью моря поднялась песчаная мель и образовала оплот для гавани; помнишь, на ней выросло сначала епископское подворье, так называемый «Акселев дом», затем королевский дворец? Теперь на ней воздвигнут и храм Красоты³⁷. Заклинания ветра остались без силы; сбылось, напротив, то, что в радостной песне предрекли дети солнечного сияния...

Промчалось немало бурь; быть может, налетит новая гроза, но и она пронесется мимо: победа останется за истиной, добром и красотой.

— Тут кончается моя книжка, — заключил крестный, — но история Копенгагена далеко не кончена, и кто знает, что самому тебе суждено в ней пережить.

Часто собирались у нас над головой тучи и разражались громом и молнией, но солнце светит по-прежнему и будет светить вовеки. И лучезарнее всякого солнца сияет Бог в славе своей, управляя всем миром — не одним только Копенгагеном!

Сказав это, крестный передал мне тетрадку. Говорил он с убеждением, глаза его блестели, и я принял из его рук подарок с такою же радостью, с такою же гордостью и осторожностью, с какими в первый раз взял на руки свою маленькую сестру.

— Показывай книжку кому хочешь, — прибавил крестный, — я ничего против этого не имею; пожалуй, скажи, кто ее оклеил и разрисовал, только непременно объясни, откуда я заимствовал мысль. Ты ведь знаешь — обязан я ею старым ворванным фонарям, которые в последнюю свою ночь являли газовым канделябрам марево всего, что им пришлось видеть, начиная с того времени, как у пристани зажжен был первый их праотец и до того вечера, когда Копенгаген осветился одновременно ворванью и газом.

Показывай книжку кому хочешь, но все-таки выбирай людей снисходительных и добрых: если же явится конь трехногий, то поскорей закрой книжку своего крестного.

*Материалы к публикации подготовили
М. Жуковец, Е. Лекаревич, И. Сергиенко*

³⁷ Торвальдсен (1770–1844) за несколько лет до смерти завещал Дании все свои работы, модели, коллекции и проч. Музей, в настоящее время вмещающий в себе это его наследство, выстроен главным образом на средства Копенгагенской общины и отчасти на деньги, собранные в стране по подписке. Постройка его началась еще при жизни Торвальдсена. Своеобразное здание музея (в стиле древнегреческой гробницы) помимо главного своего назначения служит также мавзолеем знаменитому ваятелю, который похоронен в срединном его дворе.